

**ЖИЗНЬ
ВСЕГДА
ДЕЛИТСЯ
на До
и После**

16+

Проданное
СЧАСТЬЕ
Валентина Кострова

Валентина Кострова

Проданное Счастье

«Автор»

2020

Кострова В.

Проданное Счастье / В. Кострова — «Автор», 2020

Потеряв в аварии семью, я меняю город, окружение, чтобы начать жить с чистого листа. Судьба сталкивает меня с уличной певицей, которая подобна весне вдыхает в меня жизнь, но позже исчезает, оставив после себя вопросы и тайны. Пытаясь избежать одиночества, я решаюсь стать отцом при помощи суррогатного материнства. Однажды в мою размеренную устроенную жизнь врывается женщина, заявляющая, что она настоящая мать моих детей, требует их отдать. Выясняя правду, я обнаруживаю связь между исчезнувшей в прошлом девушкой и суррогатной матерью. Узнаю их тайну.

© Кострова В., 2020

© Автор, 2020

Валентина Кострова

Проданное Счастье

1 глава

Красные розы. Для меня загадка, почему женщины любят именно эти цветы.

Еще раз придирчиво окинув взглядом витрину с выставленными букетами, понимаю, что ничто не цепляет глаз. Пока флорист красиво упаковывает розы, достаю из кармана пиджака мобильник. Одно сообщение. Сообщение от Эли, в очередной раз напоминает мне, что ждет сегодня к ужину с важными новостями. Не представляю, что она хочет мне сообщить. Возможно, она беременна. Эта мысль вызывает улыбку. Детей я люблю. Всегда мечтал иметь красавицу-жену и много детишек. Целенаправленно иду к цели, несмотря на то что Эля после вторых родов тему детей не поднимает и ловко от нее уходит. Не беда, совместный отдых на Мальдивах поможет нам в этом вопросе.

– Спасибо за покупку, – продавец-флорист протягивает букет, заученно улыбается. Благодарю кивком головы.

Иду к машине, осторожно пристраиваю цветы на заднее сиденье, захлопываю дверь. Сажусь и выруливаю на дорогу. Полчаса по вечерней Москве с пробками, потом съезду на трассу и быстро домчусь до закрытого поселка. Когда покупал дом, хотел удаленности от столицы, но при этом для меня важно быстро до нее добираться. Эта цель была идеально достигнута.

Эля не любит жить в поселке, но мирится с жизнью за городом ради детей. Им, в отличие от матери, нравится бегать летом босиком по лужайкам, а зимой лепить снеговиков, зная, что никто их не разрушит. Еще они уговаривают меня завести собаку. Улыбаюсь своему отражению в зеркале. Дочь и сын еще не подозревают, какой сюрприз их ждет на Новый год. На прошлой неделе забронировал золотистого ретривера, именно такого, как показывают во всех американских фильмах.

Сегодня у нас с Элей годовщина свадьбы. Мы вместе пять лет. Не скажу, что всегда это были безоблачные, счастливые годы, но благодарен жене за каждый прожитый вместе день. Знаю, ей нелегко терпеть мое вечное отсутствие и быть всегда на втором месте – после моей работы. Иногда слышу в свой адрес упреки по этому поводу, но стараюсь искать компромисс. Вот и сейчас спешу домой, чтобы ее обрадовать новостью о скором отдыхе на Мальдивах вдвоем. Дети в это время побудут с тещей.

С женой познакомился в автосалоне. Я привез машину для планового технического осмотра, Эльвира подбирала себе новый транспорт. Увидев жгучую черноволосую красотку, понял значение фразы «влюбился с первого взгляда». Да, именно влюбился, без оглядки, на полную катушку. У меня не было ни единого шанса устоять перед этими влажными темными глазами.

Прогулки по городу, ужины в ресторане, жаркие ночи, – все логично завершилось шикарной свадьбой в Барвихе. Я мог позволить себе этот праздник во имя любви, о которой хотелось кричать на весь мир.

Подъезжаю к поселку. На КПП меня не задерживают, номера моей машины в базе есть. Плавно поднимается шлагбаум. Еще пара минут, и вот останавливаюсь перед воротами, которые медленно начинают разъезжаться в разные стороны.

Участок освещен уличными фонарями, в доме горят окна. Предвкушаю, как сейчас окажусь в кругу семьи, подарю Эле розы, обниму своих детей. Семья для меня – это оазис, место моей силы. Ради нее я готов на многое.

– Папа! Папа приехал! – ко мне со всех ног через холл несется Эмилия. Я успеваю пристроить цветы на комод и поймать свою красавицу. Подбрасываю вверх, ловлю, целую в обе

щеки. Тут же бежит Эльмир и, как маленькая обезьянка, при моей поддержке карабкается ко мне на руки. Сердце сладко ноет от этого счастья.

– Привет, мои родные, – смотрю то на дочь, то на сына. Похожи на меня, но с глазами матери. Эля стоит в дверном проеме со скрещенными на груди руками. Смотрит на меня холодно. Знаю, что припозднился. Работа никак не отпускала даже в столь важный день.

Опускаю детей на пол, они сразу же срываются с места, скрываются где-то в гостиной. Беру букет, медленно подхожу к жене. Хочу поцеловать в губы, но она демонстративно подставляет щеку.

– Прости, – примирительно заглядываю в ее глаза, пытаюсь отыскать в них нежность. – Знаю, что обещал приехать пораньше, но не получилось.

– Как обычно, Натан. Странно, что еще помнишь, какой сегодня день, – забирает розы, уходит в сторону кухни, я иду за ней следом. Нужно как-то ее смягчить, последнее время Эля держится отстраненно. Чувствуется напряжение, от которого хочется бежать. Чем я и занимался последнее время, но сегодня надо решить возникшие проблемы.

– После январских каникул у меня намечается передышка.

– Удивительно. Клиентов нет?

– Клиенты есть, но я подумал, что нам с тобой нужен совместный отпуск, – подхожу к Эле сзади, обнимаю ее за талию, прикасаясь губами к обнаженной шее. Она застывает, не шевелится, даже не дышит.

Считается, что любовь живет немногим больше трех лет. Но ведь, как и любое чувство, ее нужно подпитывать, без дров любой костер погаснет. Я по-прежнему люблю Элю. Может быть, не так безумно, как в первый год нашего брака, когда мне нужно было на физическом уровне чувствовать ее. Сейчас любовь более зрелая, лишена импульсов и порывов. Она не бьет в голову шальными идеями, она опирается на разумность поступков. Один из таких, например, совместный отпуск.

– Это, конечно, мило с твоей стороны, – высвобождается из моих объятий, идет в сторону кухни, я опираюсь о стол. Взгляд замирает на ее голых ногах, поднимается выше. Каждый раз, когда разглядываю Элю, сердце екает, я улыбаюсь от мысли, что это женщина законно принадлежит мне.

– Но я никуда не поеду.

– То есть? – не сразу понимаю ее ответ. Часто моргаю, смотрю на серьезную жену.

– Я подаю на развод, Натан.

– Если это шутка, то такое чувство юмора я не понимаю.

– Это не шутка. Я об этом думала долгое время, – цветы ставит в вазу, смотрит на меня поверх них. – Мы исчерпали друг друга.

– Ты встретила другого? – мне физически больно задавать этот вопрос, но нужно смотреть правде в глаза. Эля грустно улыбается.

– Нет.

– Если нет, я не понимаю, что стало причиной таких мыслей.

– Вот именно, Натан, ты не понимаешь. Ты никогда и не хотел меня понимать. Ты всегда делал то, что тебе хотелось, не интересуясь моим мнением! – глаза сверкают, прикладывает ладони к покрасневшим щекам.

Опускаю глаза, рассматриваю кафель на полу. Ее претензия имеет основание. Я действительно все решаю за всех. Не потому, что мне не интересна ее точка зрения, а потому что, как правило, мое решение оказывается верным. Ошибок не люблю.

– Хорошо, мы поговорим на эту тему, – примирительно улыбаюсь, Эля закатывает глаза, отворачивается. – Милая, я согласен, что порой бываю бескомпромиссен, но за пять лет ты ни разу меня этим не упрекнула. Я думал, тебя все устраивает.

– Меня ничего не устраивает. Ты постоянно навязываешь мне свои мысли, причем делаешь это так искусно, что не замечаю, как соглашаюсь, – усмехается, отходит в сторону. Раздражаюсь, смотрю тяжелым взглядом на жену.

– Я хочу развода. Хочу почувствовать себя личностью, а не твоей тенью.

– Ты не права, Эля, – медленно сокращаю между нами расстояние, замираю перед ней. Она приподнимает подбородок, щурит глаза.

– Я права, Натан, все пять лет я была просто женой успешного адвоката Левина, но не Эльмирой Левиной. Попробуй хоть раз меня услышать.

– Я тебя услышал, Эля. Давай не будем из мухи делать слона. Хочешь быть личностью, дерзай, я буду тебе помогать, чем смогу. Только учти, на семью останется совсем мало времени. Неужели ты хочешь, чтобы наши дети росли с чужими людьми, видя родителей мельком? Возможно, стоит пока рассмотреть какие-то дистанционные курсы? Отличная, кстати, идея. Ты будешь учиться чему-то новому, при этом останешься рядом с нашими детьми. Подумай над этим, – обхватываю ладонями лицо жены, ласково улыбаюсь.

Разговор выходит странным. Я чувствую смутную тревогу, нависшую грозовую тучу над нашим семейным счастьем. Хочу понять суть проблемы, но какой-то важный смысл ускользает от меня. Подумаю об этом завтра утром.

– Я люблю тебя, – шепотом признаюсь, прислоняясь лбом к ее лбу, тяжело вздохнув.

2 глава

Просыпаюсь по будильнику. Открыв глаза, рассматриваю потолок в темноте и прислушиваюсь. Рядом никто не дышит. Понимаю, что Эля не вернулась в супружескую спальню после того, как уложила детей спать. Я заснул, так ее и не дождавшись.

Вчерашний разговор зудит, заставляет хмуриться и испытывать недовольство. Моя жизнь всегда четко распланирована. Единственное, что случилось без моего ведома – это внезапная любовь к жене с первой встречи. Влюбился, моментально скорректировал свои планы и с тех пор ни разу не отступил от задуманного.

К сегодняшнему дню я достиг многого как специалист и как человек. Возможно, я не такой идеальный муж, как хотела бы Эля, но и не самый худший вариант. Она хочет развития своей личности? Хорошо, можно вызвать ее мать на подмогу, пока ее дочь будет чему-то обучаться, расти. Мне не нравится, когда в доме посторонние люди, поэтому у нас нет помощниц по хозяйству, нет водителей, нет нянь.

– Доброе утро, – захожу в столовую. Дети еще спят, поэтому я вижу только Элю. Сажусь на свое место во главе, внимательно смотрю на жену.

– Прости меня, если вчера тебя обидел, – накрываю ее ладонь. Она вскидывает на меня глаза, без улыбки слушает. – Я уверен, мы вместе придем к компромиссу.

– К моему компромиссу, чтобы мне было хорошо, – от ее тона я сжимаю челюсти, не забывая держать улыбку. Этот намеренно сладкий тон мне не нравится.

– Пять лет, Эля, ничто и никто тебя не раздражал, ты выглядела довольной своей жизнью!

– Пять лет назад я была свободной, самодостаточной женщиной. У меня была замечательная работа, должность, интересная жизнь. Все было, как у тебя, распланировано на несколько лет вперед, но мы встретились. Любовь нас с тобой ослепила, закружила. Я думала, что о большем и мечтать нет смысла. Красивый и любимый муж, долгожданная дочка, потом сын. Но однажды я поняла, что мои дни однообразны, особенно когда мы переехали в этот дом.

– Ты сама говорила, что нам нужно больше пространства.

– Я говорила, что нам нужна квартира побольше в хорошем районе, но не дом.

– Чем тебя дом не устраивает? – вчерашнее раздражение вновь накрывает меня, но сдерживаю себя, по-прежнему сохраняя на губах улыбку. – Детям же хорошо жить ближе к природе, гулять возле дома в любое время. Дом лучше, чем квартира.

– Это ты так решил, а я никогда не хотела жить в поселке, далеко от города. Ощущение деревни, будь он трижды элитным, этот поселок.

– Эля, подумай, чем бы ты хотела заняться, вечером мне скажешь, – произношу таким тоном, что спорить бесполезно, и она не спорит. Опускает взгляд в свою чашку, молчит. Ее молчание физически неприятно, но я тоже упрямо молчу в ответ, не спешу разрушить напряжение между нами.

Выпиваю кофе, встаю, подхожу к Эле, по привычке целую ее в макушку. Чуть дольше, чем обычно, задерживаю свои руки на ее плечах. В этот раз я не произношу фразу: «Люблю тебя». Сейчас она неуместна.

– До вечера, – произношу сухо, убирая руки. Она ничего не говорит в ответ.

– Тук-тук, можно? – в кабинет заглядывает Мария Никольская. Человек, с которым я могу обсудить не только рабочие моменты, но и личные. Дружбы между мужчиной и женщиной не бывает, тут я согласен с психологами и с жизненным опытом. С Машей были кратковременные отношения на пятом курсе университета, перед самым выпуском, но мы быстро поняли, что нам лучше сохранять приятельские и взаимовыгодные отношения, чем чувства.

– Я тебя не вызывал, – отхожу от стеллажа с папками, возвращаясь к столу. Мария улыбается и заходит в кабинет. На секунду обращаю внимания на то, что она по-прежнему прекрасна. Эта женщина с годами становится все краше и краше, странно, что до сих пор не замужем.

– Я по делу. Мне нужен твой совет, – присаживается на стул возле стола.

– Я бесплатно советы не раздаю, – иронизирую, беря из ее рук протянутые бумаги. На какое-то время в кабинете возникает тишина, слышно только звуки города за окном.

Так... Дело о том, с кем будут проживать дети после развода родителей. Отец – известный бизнесмен, имеющий деньги и возможности надавить на рычаги принятия решений; мать – бывшая модель, приехавшая из провинции в Москву, где встретила теперь уже без пяти минут бывшего мужа. Естественно, она ничто против своего супруга, он ее втопчет в землю, ничего от нее не оставив.

– И что ты тут не понимаешь? – вскидываю на Марию глаза, она задумчиво на меня смотрит. – Дети останутся с отцом.

– По кодексу они должны остаться с матерью. Она не наркоманка, не алкоголичка, устроилась на работу. Да, у нее не такой доход, как у бывшего мужа, но работа есть. Плюс есть квартира, купленная до брака ее родителями. Все в ее пользу, почему тогда малыши должны оставаться с отцом, который спихнет их на няню? – глаза горят негодованием, щеки алеют от гнева.

Я усмехаюсь, не удивляясь ее реакции на столь обычное дело. Мария всегда остро реагирует на дела, которые касаются семьи, детей. Сказывается личный опыт. У нее была сестра, которая разводилась с мужем. Встал вопрос, с кем будут жить малолетние дети. Все решалось в пользу матери, пока на пешеходном переходе сестру Маши не сбила насмерть машина. Никольская до сих пор считает, что это дело рук ее бывшего родственника, который таким образом решил вопрос. Дети живут с отцом, а Маше запрещено их видеть, чтобы не травмировать детскую психику: сестры были очень похожи.

– Маш, ты словно вчерашняя выпускница. Я должен тебе объяснять элементарные вещи? – беру ручку и делаю пометку: перевести бывшую однокурсницу в другой отдел – по административным делам. В работе должно быть больше здравого смысла, чем эмоций.

– Почему ты такой циничный? – раздраженно выхватывает из моих рук бумаги, встает. Смотрит на меня сверху, довольно пристально и долго. Вопросительно приподнимаю бровь, ожидая еще вопроса.

- Как тебя только выдерживает Эля?
- Кстати, об Эле. Она вчера сообщила мне, что хочет подать на развод.
- Видимо, ты ее сильно достал. Я не удивлена.
- Правда? – стараюсь иронизировать, но откровенно задет реакцией Никольской.

Неужели со стороны все так ужасно выглядит? Мне казалось, что наша семья почти идеальна. Видимо, только я так считаю.

– Натан, послушай совет старой женщины: если ты хочешь сохранить свой брак, научись слушать и, главное, слышать, что тебе говорит жена. Ты только на работе умеешь быть прекрасным и сопереживающим слушателем, в жизни напрочь лишен этого качества. Купи сегодня хорошего вина, которое она любит, и проведи романтический вечер, позволив ей выговориться. Понял? Потом скажешь спасибо.

– Спасибо, Маш, – совет так себе, но, наверное, стоит к нему прислушаться. Думаю, один вечер послушаю Элю, сделаю для себя выводы.

3 глава

Брожу возле витрин, ищу любимое испанское вино Эли. Я предпочитаю вина из Франции, но сегодня все для жены. Должен ей показать, что ее интересы мне важны. Важна она сама, как личность, как женщина, как жена и мать. Я не просто так на ней женился пять лет назад. Не просто так сказал «да» и надел на ее палец обручальное кольцо.

Я нашел в Эле все то, что мне нужно: красивая, умная, умеющая вести беседу, при этом знает, когда нужно промолчать, когда вставить свои пять копеек. Она замечательная хозяйка, пусть и не любит жить в нашем большом доме, но он всегда содержится в порядке и чистоте. Она замечательно готовит, не появляется желания есть в каком-то ресторане, если знаю, что дома ждет вкусный ужин, приготовленный руками любимой жены. Она превосходная мать, глядя на то, как она обращается с нашими детьми, я хочу еще нескольких, чтобы они были похожи на нее и внешностью, и характером. Она потрясающая женщина, которую я люблю, берегу и готов для нее сделать многое. Например, попытаться ее услышать.

Я уже сейчас напрягаюсь от мысли, что Эля будет где-то пропадать на курсах, работе, каких-то мероприятиях без меня. Не скажу, что ревную, но приходить домой и обнаруживать дом без хозяйки – так себе перспектива. Вдруг из-за занятости потребуются нанимать помощницу, няню, а это посторонние люди, чужие люди, которые будут подглядывать за жизнью моей семьи.

Набираю Элю. Идут гудки, потом щелчок и механический голос просит меня оставить сообщение. Недовольно поджимаю губы, потом расслабляюсь и улыбаюсь своему отражению. Спокойствие и только спокойствие.

Плотный поток машин из города медленно, но движется, возможно, мне удастся не застрять в пробке на несколько часов. Задумчиво барабаню пальцами по рулю. Завтра стоит определиться с отпуском и позвонить теще, попросить ее прилететь из Сочи к нам. Знаю, что Вера Семеновна не жалуется столице из-за суеты, но она любит своих внуков, значит, получить ее согласие не составит труда.

Наконец-то вырываюсь из затора на дорогу, где можно позволить себе скорость. Еще немного, и буду дома. Вот он, долгожданный поворот в сторону поселка. Сворачиваю, замечаю впереди «скорую», пожарных, полицейских. Многие машины останавливаются возле обочин, водители выходят. Я пытаюсь понять, что произошло. Что-то страшное. У меня от этой мысли бегут мурашки по позвоночнику, волосы на руках встают дыбом.

Впереди дорога почти заблокирована. Мне ничего не остается, как съехать с дороги, заглушить машину и тоже выйти. В очередной раз набираю Элю, чтобы предупредить о задержке. Гудки, гудки, щелчок. Почему она не поднимает трубку?

Обхожу зевак, встаю возле патрульной машины, опять набираю жене. Опять идут гудки. Слышу рядом знакомую трель. Оглядываюсь по сторонам. В этот раз сбрасываю сам и вновь звоню, иду на звонок. Обхожу машину, передняя дверь со стороны водителя открыта, вижу на сиденье светящийся мобильник, и на дисплее высвечивается «Любимый».

На мгновение я глохну. Я даже не слышу, как мимо пролетает «скорая помощь» с мигалками, кого-то увозя, следом еще одна «скорая». Оборачиваюсь, ищу глазами Элю. Возможно, ее задержали. Может, она стала свидетелем ДТП, сняла момент аварии на телефон, поэтому он сейчас лежит в полицейской машине.

Пробираюсь вперед, кого-то задеваю плечом, не реагирую на недовольство в спину, подхожу почти к каждой девушке с темными волосами, заглядываю в лицо, понимая, что это не Эля.

Я дохожу до основного скопления народа. Полицейские не пропускают любопытных к месту происшествия, ребята в форме МЧС с инструментами спускаются в ров.

Страх липким потом струится у меня по спине. Во рту сухость. Делаю глубокий вдох, смотрю на изуродованные машины. Белый, знакомый до боли, внедорожник полностью смят. Со стороны водителя работают сотрудники МЧС. От звука режущегося металла закладывает уши. Я заворуженно смотрю на слаженную работу, на то, как дорогую машину режут на части.

– Нет! – кажется, я ору, дергаюсь вперед, как только замечая безвольную руку, черные волосы. Кто-то меня перехватывает, пытается оттащить в сторону, но я рвусь вниз к разбитой машине.

– Отпустите! Там моя жена! – отпихиваю кого-то, мне удастся увернуться от очередного захвата. Я съезжаю по мокрой от снега земле вниз, пачкаюсь, падаю на четвереньки. Ползком, не мигая, не теряя как ориентир белую руку, ползу. Я не смотрю на все остальное тело, я смотрю только на руку, в которой нет никаких признаков жизни.

– Эля! Эля! – кричу шепотом, хватаясь наконец-то за холодную руку. Сжимаю ее пальцы, подползаю ближе и заглядываю в залитое кровью белое лицо Эли.

– Я здесь, Эля. Слышишь? Я здесь! – обхватываю ее лицо трясущимися руками. Она не отвечает. Молчит. И глаза не открывает. Может, обиделась? Я не хочу верить в случившееся. Мой мозг отказывается принимать ужасную правду.

– Эля, прости меня, дурака такого, – вырывается истерический смешок, убираю с ее лица темные волосы. Я подношу пальцы к глазам, в свете фар машин, прожекторов вижу на них кровь. Закрываю глаза, считая до пяти. Открываю, ищу на шее Эли сонную артерию, чтобы убедиться в непоправимом. Пульса нет.

Сглатываю, застывшим взглядом наблюдаю, как спасатели извлекают с другой стороны еще кого-то. Даже не хочу допускать мысль, кто там.

Белая курточка, перепачканная в черной земле и крови. Как у матери, черные кудрявые волосы. Безвольная рука.

Из груди вырывается нечеловеческий вопль. Сгребая в кулак мокрую землю, задыхаюсь от крика, легкие невообразимо жгут изнутри, словно на них вылили кислоту. Из глаз нескончаемым потоком льются слезы, тело содрогается от рыданий.

– Мужик, вставай, – кто-то рядом пытается меня поднять на ноги, но я мотаю отрицательно головой, сильнее сжимая в кулаках землю. Тут меня пронзает мысль, как острая боль. Вскидываю голову, пытаюсь сфокусировать взгляд на людях вокруг.

– Мальчик. Мальчик где?

– Мальчика увезли в больницу, – мне называют номер больницы, я, ослепленный надеждой, поднимаюсь на ноги. Меня поддерживают. Оказавшись на дороге, сую полицейскому свою визитку и иду к машине. Сейчас мне не до разговоров.

Нужно ехать в больницу. Эльмиру сейчас очень страшно и больно. Мой мальчик не должен быть сейчас один.

4 глава

Кручу в руках белый пластмассовый стаканчик с водой. Минуту назад медсестра принесла его мне. Во мне нет никаких чувств, кажется, все прошло мимо, просто тупое равнодушие. Откидываюсь на спинку неудобного стула, прикрываю глаза.

«Простите, мы ничего сделать не смогли...»

«Травмы, несовместимые с жизнью...»

«Примите наши соболезнования...»

Чужой голос звучит в голове, вынося мне приговор. Я до последнего надеялся, что в этом кошмарном вечере будет хоть одна хорошая новость: мой мальчик выжил. Увы, моя надежда так и осталась надеждой.

Одинокая слеза скатывается по щеке, висит на подбородке, срывается вниз. Так и я срываюсь куда-то вниз, падаю, падаю и никак не разобьюсь насмерть.

Пытаюсь уложить в своей голове факты – не получается. Заставляю себя думать о том, что нужно будет сделать завтра-послезавтра, – не получается. Мысленно возвращаюсь на пару часов назад. Перед глазами разбитая машина, неподвижная рука, белая курточка и сочувствующий взгляд врача.

За один вечер я потерял семью. У меня теперь нет ни жены, ни детей. Я бы смог смириться с их уходом, если бы знал, что они где-то гуляют по парку, смеются, загадывают желания и ждут чуда. Увы... Чуда нет.

Судорожно вздыхаю, пытаюсь унять ноющую боль в сердце. Боль рвет меня на мелкие куски, рвет медленно, бесконечно растягивая мои мучения. Как бы мне сейчас хотелось быть со своими любимыми... Без них жизни нет.

Как теперь возвращаться в дом, где больше не будет звучать детский смех? Как мне заходить в спальню, где больше не увижу возле зеркала свою ненаглядную Элю? Как мне просыпаться каждое утро, что-то делать, зная, что не для кого мне больше стараться...

– Натан, – меня осторожно трогают за плечо. Открываю глаза, равнодушно смотрю на обеспокоенное лицо Никольской, опять прикрываю глаза. Она садится рядом, находит мою руку и сжимает ее. Я не вырываю ладонь.

Сидим рядом друг с другом, Маша хранит молчание, по вздохам понимаю, что сдерживает себя от ненужной беседы. Я ей не звонил, не имею представления, откуда она узнала о произошедшем, как выяснила номер больницы, в которой нахожусь. Это неважно и неинтересно.

– Давай я тебя отвезу домой, – крепче стискивает мою ладонь, я морщусь от неприятных ощущений.

– Я не хочу домой, – сглатываю, освобождаю руку из рук Никольской, встаю. Подхожу к окну, ставлю на подоконник стаканчик.

– Поехали ко мне.

– Нет. Спасибо, Маш, за предложение, но я остановлюсь в гостинце. Езжай домой, не сиди со мной, завтра у тебя сложный день, – бросаю на Машу косой взгляд, она поджимает губы, соглашается. Завтра у нее суд, нужна ясная голова. Мои дела меня подождут.

– Если что, звони, – встает, кладет руку мне на плечо, скользит ладонью по спине. Я не оглядываюсь, когда слышу стук каблуков, смотрю в окно, ловя в нем свое отражение и удаляющуюся Никольскую. Когда ее силуэт пропадает из поля зрения, оборачиваюсь, иду в сторону поста.

– Извините, а не подскажете, в какой палате находится второй пострадавший? – медсестра внимательно на меня смотрит, наверное, мой уравновешенный вид подкупает, и она называет палату. Она, по идее, не имеет права предоставлять мне такую информацию, но, может, думает, что я иду с благими намерениями. Мысленно усмехаюсь, а девушку благодарю улыбкой.

Иду по пустому коридору, перед нужной палатой замираю. Берусь за ручку, открываю дверь. Одноместная палата. На койке лежит парень лет двадцати. Его возраст я позже, конечно, выясню, и не только возраст. Я узнаю даже, о чем он думал в момент аварии.

– Кто вы? – испуганно лепечет парень, приподнимаясь на локтях. Я подхожу к койке, внимательно его рассматриваю, сканирую пытливым взглядом его лицо, все в ссадинах, мелких порезах. Краем уха слышал разговор молодых медсестер, что второму участнику аварии повезло родиться в рубашке. У него сломаны ребра, сотрясение и гематомы. Жить будет. А мои нет.

– Совесть не мучает? – со стороны мой голос звучит слишком спокойно, я позволяю себе ухмыльнуться.

– А вы батюшка? – наглец усмехается, выглядит бледным, но взгляд не отводит в сторону. Сжимаю зубы, сжимаю спинку койки до побелевших костяшек. Желание доломать этого ублюдка настолько велико, что у меня перехватывает дыхание.

Дышим, дышим, глубоко и нечасто. Не нужно поддаваться порывам, чтобы потом не пожалеть. У меня есть возможность наказать его законно. И я его накажу, по всей строгости, с максимальным сроком, чтобы усвоил этот урок на всю жизнь.

– Поправляйся. Здоровье тебе еще пригодится, – стучу кулаком по спинке, парень хмурится, жует свои пересохшие губы. Покидаю палату, нужно уходить отсюда, пока еще сдерживаю себя.

Уезжаю из больницы, снимаю номер в отеле поближе к работе. В кабинете у меня есть запасные ботинки, костюм и рубашка. Висят давно и без дела.

Захожу в номер, бросаю пластиковый ключ, ключи от машины и дома на столик возле телевизора. Снимаю с себя всю одежду и иду в ванную. Врубаю на полную мощность душ, встаю под струи, закрываю глаза. Несколько минут стою неподвижно, потом упираюсь ладонями в стену, склоняю голову на грудь.

Первый хрип из меня вырывается сдавленно, сдерживаемо. Слезы смешиваются с водой. Прислоняюсь спиной к стенке, сползаю вниз, обхватываю голову руками. Струи воды бьют меня по плечам, рукам, спине, как точечные иголки.

Я не смогу... Не смогу жить без них... Зачем? Зачем мне жизнь, если их нет рядом...

Осознание, что я их больше не увижу, не услышу их смех, не почувствую на своей шее их руки, скручивает меня. Я, как смертельно больной, на полу душевой корчусь от боли в груди, не зная, как ее унять.

Какие мне теперь пить таблетки, чтобы обезболить себя? К какому мне идти доктору, чтобы прекратил мои душевные муки?

Зачем эта жизнь, когда самых любимых уже нет...

5 глава

Голова кружится, перед глазами черные точки. Всматриваюсь в монитор, моргаю, только через некоторое время все восстанавливается. Вдыхаю. Мне нужен полноценный сон и сутки отдыха, чтобы никто не звонил, не трогал меня, не выражал соболезнований и сочувствия.

– Я принесла тебе обед, – в кабинет без стука, без приглашения, как к себе домой, заходит Никольская.

Последнее время Маша навязывает свою заботу, хотя я ее об этом не прошу. Была мысль, что она пытается «забронировать» вакантное место возле меня, но как мельком подумал об этом, так и забыл. Думать о других женщинах мне не приходит в голову, смогу ли когда-нибудь посмотреть на другую – большой вопрос.

– Спасибо, но я не голоден, – последние три дня я ничего не ел. Не хотел. Держался на одном кофе. Вчера вечером прилетела Вера Семеновна.

Она тоже отказалась остаться в доме, мы жили в одном отеле. Мы не смотрели друг другу в глаза, боялись показать свои чувства. И не разговаривали по душам, не обнажали свою боль при посторонних. Мою боль ничто не могло унять: ни алкоголь, ни никотин, ни ночные катания по городу. Даже сон, в котором бы мог забыться, не призываю, потому что мне снится один и тот же кошмар: разбитая машина, рука Эли, темные волосы Эмили и белое лицо Эльмира.

– Еще несколько дней в таком режиме, и от тебя даже тени не останется, – Маша ставит на стол пакет, вытаскивает контейнеры. – Я понимаю твою трагедию, но нужно жить, Натан.

Оставляю свое мнение при себе. Меня мало кто сейчас поймет. Под озабоченным взглядом Никольской заставляю себя открыть первый контейнер. Запах еды вызывает приступ тошноты. Беру стакан с водой, делаю глоток.

– Когда похороны? – молодая женщина присаживается на стол, сочувствующе на меня поглядывает. Чтобы не видеть этого взгляда, полного жалости, беру вилку и начинаю есть. На ее вопрос не отвечаю. Я пока сам ничего не знаю.

– Теща прилетела?

– Да, – Маша тяжело вздыхает от моего нежелания разговаривать, просто смотрит, как я ем. Я в это время размышляю о планах. Сегодня с Верой Семеновной поедem в поселок. Нужно пересилить себя и зайти в дом. После похорон я его выставлю на продажу. Жить в том месте, где все пропитано Элей, где стены все еще хранят смех детей – лучше в аду гореть, чем каждый день приходить домой и понимать, что никто не встретит, никто не крикнет «папа», никто не поцелует.

Никольская не выдерживает горького молчания, оставляет меня одного. Как только за ней закрывается дверь, отодвигаю от себя коробки с едой и откидываюсь на кресле, прикрыв глаза.

Мне остается час, чтобы набраться мужества и двинуться по дороге, по которой я три дня не езжу. Особенно напрягает то, что придется проезжать место, где случилась авария. Сейчас день, светло, но ничто не сотрет из моей памяти тот роковой вечер.

– Вам туда нельзя! – слышу голос Лены, своей секретарши. Выпрямляюсь, готовясь к визитерам, которых не жду. Мои клиенты согласились подождать пару дней, деликатно поняв причину моей временной нетрудоспособности.

В кабинет первой врывается полноватая женщина с ярким макияжем. Следом за ней идет мужчина в черном пальто, оценивающим взглядом осматривая кабинет.

– Добрый день, чем могу вам помочь? – привычка улыбаться меня не покидает даже в такой момент, когда улыбаться нет сил.

Женщина без приглашения плюхается на стул возле стола, ее спутник садится на другой свободный стул. Люди среднего класса, привыкшие всего в жизни добиваться нахрапом, скандалом и громким голосом. Интересно, кто они?

Приподнимаю бровь, выразительно бросаю взгляд на наручные часы. Мое время дорого стоит, бесплатно я не консультирую.

– Мы родители Аркадия.

– А Аркадий – это кто? – беру ручку и чистый лист бумаги. Запишу данные и кому-нибудь поручу дело этих людей.

– Аркадий Зиновский, – услышав эту фамилию, медленно кладу ручку на стол, поднимаю глаза. Зиновский – тот самый водитель-лихач, который три дня назад несся по трассе. Недоделанный «шумахер» пошел на обгон и вылетел на встречу, по которой в это время ехали в машине Эля и дети. Лобовое столкновение, машины отлетели друг от друга, как шарики пинг-понга.

– И? – многолетняя юридическая практика научила прятать свои эмоции, научила изображать нейтралитет. Вот и сейчас я стараюсь обуздать гнев, который не поддается никакому контролю.

– Вы Левин? – женщина явно в семье главная, мужчина все это время сидит рядом и отмалчивается. Киваю в знак согласия. – У нас к вам предложение. У мальчика вся жизнь впереди, давайте не будем ломать его будущее.

– Будущее? – эхом переспрашиваю, стискивая руки в кулаки. – У моих детей будущего теперь нет, – посетительница вздрагивает от моего ледяного тона и опускает глаза, но тут же их вновь вскидывает.

– Я понимаю ваше горе, но вашим детям уже не помочь, а моему сыну еще жить. Он домашний ребенок, ему нельзя в тюрьму, его там покалечат. Мы тут с мужем собрали деньги в качестве моральной компенсации, – достает из сумки пухлый конверт и кладет его передо мной.

Усмехаюсь, опускаю взгляд на белый лист перед собой. Такие ситуации мне не в новинку. Люди готовы душу дьяволу продать ради своей выгоды, ради смягчения приговора. Сейчас я ненавижу уголовный кодекс всеми фибрами своей души. Самый максимальный срок, который светит Зиновскому, – это семь-девять лет и лишение прав до трех лет. Вот такой наш гуманный кодекс. За смерть троих людей парень отсидит в тюрьме примерно девять лет, а если будет хорошо себя вести, не буянить, то его могут досрочно освободить. Он будет дальше жить, радоваться, садиться за руль, а я буду жить с дырой в сердце, без какой-либо надежды увидеть просвет в своем мраке.

– Заберите деньги, – ручкой подталкиваю конверт к хозяйке, – Они мне ни к чему. Ваш сын понесет наказание за ДТП, я сделаю все возможное, чтобы срок был максимальным. За убийство моей жены и двоих детей он должен быть приговорен к смертной казни, но как юрист я понимаю, что это невозможно: на нее в России мораторий. Вашему сыну светит самое большее девять лет. Вы его будете видеть на свиданиях, писать письма, разговаривать по телефону, ждать его освобождения. И обязательно дождетесь этого счастливого для вас дня, а у меня этого дня никогда не будет. Моя жена и мои маленькие дети с того света не вернуться. И, если на этом все, покиньте, пожалуйста, мой кабинет.

Женщина тяжело дышит, мнется, порывается что-то сказать, но так ничего и не говорит, к моей радости. Ее муж до сих пор не проронил ни слова, сидит рядом, смотрит по сторонам, тербит полу пальто. Еще несколько секунд сидят на стульях, первой поднимается дама, следом мужчина. Она осторожно забирает конверт. Под моим немигающим взглядом выходят из кабинета. Заглядывает Лена, с тревогой смотрит на меня.

– Все хорошо, Лена, – встаю из-за стола, застегиваю пиджак. – Наведи здесь порядок, пожалуйста. Меня сегодня не ждите. Завтра заскочу, – беру с вешалки пальто, прохожу мимо секретарши.

Сейчас в отель за тещей, потом в дом, который перестал быть домом. За одно мгновение он потерял для меня всякую ценность.

6 глава

Открываю дверь спальни, захожу в пустую комнату. За три дня некогда обжитый дом превратился в пустующее жилище. Медленно подхожу к окну. Смотрю на лужайку, каждый Новый год лепили с детьми снеговика. В этом году снеговика не будет, впрочем, и снега в Москве нет.

Чувствую влагу в глазах, часто моргаю. Вчера позвонил заводчику, отказался от щенка, которого планировал подарить сыну и дочери. Встречался с риелтором, обсуждали продажу дома. Подумывал о том, чтобы уйти из адвокатской практики, куда-нибудь уехать. Эти мысли ничего хорошего не принесли, только еще больше почувствовал себя одиноким в этом мире.

– Натан, – в комнату заходит Руслан. Оглядываюсь через плечо, сдержанно улыбаюсь другу. Он подходит ко мне, внимательно вглядывается, вздыхает. Сжимает крепко мое плечо, выражая таким образом свою поддержку.

– Нужно ехать.

– Да. Оставь меня на минутку. Хорошо? – он понимающе кивает головой, уходит.

Три дня назад, переступив порог этого дома, понял, что жить здесь не буду. Мне физически сложно находиться в этих стенах. Вера Семеновна, видя мое подавленное состояние, разрешила мне уйти. Я ждал ее в машине, крепко сжимая руль. Она отсутствовала недолго, забрала только дорогие сердцу украшения, фотоальбомы и кое-какие вещи Эли. Потом мы почти всю ночь сидели рядом друг с другом и смотрели фотографии. Теща плакала, некоторые страницы альбома пролистывала, а я с мазохистским упорством рассматривал каждую фотографию, вспоминая, при каких обстоятельствах она была сделана. После этого ночь прошла без сна. Было выкурено две пачки сигарет, выпита бутылка виски. Наутро у меня было разбитое состояние, сесть за руль не смог, как и прийти на работу и заняться организацией похорон. Пришлось просить о помощи Руслана, который сразу же примчался ко мне, как только оказался в стране. Хорошо, когда есть друг, на которого можно положиться.

В зале прощания толпа народу. Я даже удивлен, что столько людей пришло проститься с Элей и детьми. Это подруги жены, ее бывшие коллеги, с которыми она поддерживала связь, приехавшие со всей страны и из-за границы родственники. Пришли поддержать меня мои коллеги, сотрудники, Никольская. Были и мои клиенты. Зачем они, тут для меня так и осталась загадкой.

Я сижу на стуле и смотрю на гробы. Три гроба в середине зала – как три ножа в сердце. Рядом тихо всхлипывает Вера Семеновна, по другую сторону от меня сидит молчаливый Руслан. Вижу в толпе Умаева с женой. Они подходят ко мне, кивают и садятся на свободные стулья сзади. Кажется, это все, что у меня осталось: два друга, теща и где-то позади Никольская.

Сжимаю двумя пальцами переносицу, мечтаю, чтобы этот ужасный день поскорее закончился. Я не хотел таких публичных похорон, но Вера Семеновна настояла. Также она решила, что ее дочь и внуков стоит кремировать. Не протестовал. Я вообще мало что понимал, физически находился рядом, а мыслями не пойми где.

Мой взгляд блуждает между Элей и Эмилией, застывает на Эльмире. Дети такие крохотные в этих гробах, их лица почти сливаются с обивкой. Сглатываю, дышу через стиснутые зубы. Какая-то часть меня все еще безнадежно верит в чудо, верит, что вот сейчас мои малыши откроют глаза и засмеются, а Эля поднимется и скажет, что это жестокая шутка.

Обещаю исправиться. Обещаю впредь всегда приезжать домой вовремя, выходные проводить дома, быть рядом как можно больше. Не буду препятствовать любым начинаниям Эли, более того, я ее поддержу чем смогу. Пусть только откроют глаза...

– Натан, – зовут меня тихо откуда-то сбоку, я моргаю, непонимающе смотрю на Руслана. Он выразительно кивает на мои руки. Опускаю взгляд, вижу, что мое обручальное кольцо погнуто.

Когда зал начал пустеть, вышли сотрудники крематория, чтобы забрать гробы и отвезти их на сожжение. Впервые по щеке скользит слеза. Чувствую, как кто-то сжимает мою руку, но не в силах отвести взгляд от трех дубовых гробов. Это последние минуты, когда они рядом со мной. Последний раз я еще вижу их спокойные лица.

– Нет! – хриплю, когда опускается крышка, скрывая от меня Элю. В панике смотрю на то, как рабочий теперь закрывает Эмилию.

– Нет! – хочется кричать, но опять вырывается хрип. Когда подходят к Эльмиру, вскакиваю со стула, но меня хватают за руки, оттаскивают в сторону.

– Нет! Пожалуйста! – как будто мои мольбы что-то изменяют. Прикусываю до крови губу, не сдерживаю слезы. Зажмуриваю глаза, сильнее стискиваю зубы, а слезы текут, не останавливаются. Я ломаюсь. Морально ломаюсь. Как подкошенный, падаю на стул, обхватываю голову руками и тихо скулю.

Чувствую себя брошенным псом. Бездомным, никому ненужным. Никак не пойму, как дальше жить. Кто-то скажет, время лечит. Ни хрена оно не лечит, такое не вылечивается и не забывается. Мне просто нужно будет научиться существовать.

– Натан, – осторожно трогают за плечо, я поднимаю голову. Пытаюсь сфокусировать взгляд, из-за слез все перед глазами размыто. Через мгновение вижу перед собой озабоченное лицо Эмина и Руслана.

– Пойдем, – Эмин протягивает руку, я нерешительно на нее смотрю, но все же хватаюсь за нее и поднимаюсь. – Все будет хорошо, – его тихий голос, его спокойный взгляд действует на меня, как лошадиная доза успокоительного. Я чувствую себя опустошенным, обессиленным. Киваю ему в знак того, что услышал, тяжелой походкой направляюсь к выходу.

На улице удивленно смотрю по сторонам. Все вокруг засыпано снегом. Первым снегом в декабре. Как белый лист, на котором мне предстоит писать свою новую историю.

7 глава

Задумчиво смотрю на документы, выписки, трогаю висок. Поднимаю глаза на своего собеседника. Он вопросительно приподнимает брови, ожидая моего мнения.

– Не имею понятия, как поступить. Я впервые с таким сталкиваюсь.

– И я. В моей практике еще не было дела о суррогатном материнстве.

– Если это дело рассмотреть, опираясь на трудовой кодекс? – стучу ручкой по столу. – Плохо, что между ними нет договора о сотрудничестве, где прописаны все условия.

– Как бы ты поступил на месте несостоявшихся родителей?

– Я? – сдержанно смеюсь. – Вряд ли мне придется столкнуться с данной темой. Или ты думаешь, что на мне можно поставить крест?

– Я не об этом, Натан, – Евгений мотает головой. – Уверен, у тебя не возникнет проблем с рождением детей, как только оклемаешься, – неловко замолкает, я отворачиваю лицо в сторону окна, поджимаю губы.

Сорок дней позади, впереди до сих пор неясное будущее. Дом продан, вещи тоже, я снял квартиру поближе к работе, спасаясь в ней. Теперь мой рабочий день начинается в восемь, заканчивается в полночь или позже. Единственный плюс – разгреб все дела, не осталось ни одной папки с надписью «просмотреть».

Руслан вернулся в Питер, прозрачно намекнул мне, что можно и в Северной столице открыть юридическую практику. Работой он меня обеспечит. Эта идея уже несколько дней крутится у меня в голове. Я о ней думаю почти каждую ночь, тщательно анализирую все возможности и трудности. Немного страшно, но, с другой стороны, терять мне нечего. Никто меня в этом городе не держит, даже прах дорогих мне людей находится далеко от меня. Вера Семеновна твердо заявила, что ее дочь будет похоронена на родине ее отца. Согласился, Эля всегда с улыбкой вспоминала первые десять лет своей жизни в теплой стране на берегу Каспийского моря.

Жил ли я все это время? Наверное, да. Я встречался с друзьями, умудрялся улыбаться, иногда смеялся. Я старался делать вид, что у меня все хорошо, когда на самом деле ничего хорошего не было.

– Так что? – возвращает меня на землю вопрос.

– Я бы судился с этой суррогатной матерью из-за невыполнения своих обязательств. Попробуй напирать на то, что заказчики рассчитывали получить в срок здорового ребенка, но никак не инвалида. Судье предоставь все анализы, УЗИ, заключения. А паре советую взять ребенка из детского дома, проблем меньше, – захопываю папку, протягиваю ее Евгению. – Удачи тебе, Жень. Позвони мне потом и расскажи, чем история закончилась.

– Хорошо. Спасибо за консультацию.

– Это и консультацией сложно назвать, –жимаю Жене руку, он убирает папку в сумку, кивает мне и уходит.

Некоторое время сижу неподвижно. Вздрагиваю, когда слышу стук. Входит Никольская. Приветливо ей улыбаюсь.

– Время обеда, не хочешь составить мне компанию?

– Спасибо, я не голоден.

– А по твоему виду не скажешь, – Маша присаживается на краешек стула, я против воли замечаю прозрачность ее блузки. Встречаемся глазами, она облизывает губы.

– Маш, – подаюсь вперед, понижаю голос. – Перестань. О'кей? Я прекрасно вижу изменения в твоём гардеробе, во внешности. Эти постоянные приглашения вместе пообедать, сходить в кино ни к чему не приведут.

– Ты видишь то, чего нет, – нервно смеется, накручивает на палец прядь волос. – Я не преследую никаких целей.

– Отлично, тогда хочу озвучить тебе одну свою идею, – встаю из-за стола, подхожу к окну. – Последнее время ловлю себя на мысли, что хочу уехать отсюда.

– Что? Ты с ума сошел! – Никольская сразу же оказывается рядом, заглядывает в глаза. – Натан!

– Ты меня недослушала, – недовольно замечаю, она поджимает губы. – Этот город меня тяготит. Я задыхаюсь в нём. Меня ничто здесь не держит. Поэтому я думаю открыть филиал в Питере. Рассказываю тебе, как другу, которому доверяю.

– И кого ты оставишь вместо себя?

– Тебя.

– Меня? – широко распахивает глаза, не в силах скрыть свое удивление.

– Ты со мной работаешь давно. Я вижу, что ты достигла потолка на своём сегодняшнем месте. Тебе нужно расти, и тут два варианта: либо ты уходишь в какую-то крутую корпорацию, либо ты занимаешь руководящую должность здесь. Я думаю, второй вариант придется тебе по душе.

– Я тебя не понимаю.

– И не надо понимать. Если ты согласна, то в ближайший месяц займемся реформлением документов. Я на неделе поеду в Питер, посмотрю, что да как. Ты согласна? – от согласия Маши многое зависит.

Я не хочу оставлять на произвол судьбы все, чего с таким трудом и любовью достиг, но и в столице оставаться не могу. Я реально задыхаюсь. Город вроде не маленький, а все время натыкаюсь на те места, где когда-то был с Элей и детьми. В магазинах постоянно вспоминаю, что этот йогурт любил сын, а это мороженое нравилось дочери. И так по кругу. Иногда у меня ощущение, что я схожу с ума.

– Да. Я согласна.

Благодарно улыбаюсь Маше, уверен, что потом она скажет мне спасибо за предоставленный шанс. Меня ждут новые дела, новый город, новые люди.

8 глава

Руслан протягивает мне фирменный стаканчик «Старбакса», идем в сторону Невского проспекта. Я с интересом смотрю по сторонам. В культурной столице был пару раз, но все набегами, наскоками. В гости к Алиеву не приезжал, обычно он мотался в Москву ко мне или Умаеву.

– Нравится?

– Пока не понял, но определенно здесь все по-другому. Нет ощущения бешеного ритма.

– Поэтому я люблю Питер. Здесь все пропитано искусством, историей, трагедией и любовью, – держит серьезную паузу, потом начинает смеяться. – Расслабься, старина. Можно на выходных рвануть к соседям.

– Каким?

– К финнам, уверен, мы замечательно проведем там время, – пошловато ухмыляется, качая головой. В этом весь Руслан. С виду типичный серьезный восточный мужик с бородой, а в узком кругу может пошутить, подколоть, посмеяться. Друг он замечательный, надежный.

– Я вчера на сайте смотрел офисы, адреса которых ты скидывал мне на почту.

– И?

– Мне нравится тот, что на Невском, но аренда...

– Договоримся, – перебивает Руслан, вновь становясь серьезным человеком. – Ни о чем не беспокойся. Выбирай офис, об остальном я позабочусь. Это мой город, я многих тут знаю.

– Я надеюсь, все в рамках закона, – придиричиво смотрю на Руслана, он тут же расплывается в очаровательной улыбке. Интуиция скептически напоминает мне о делах, которые я вел от его имени.

– Обижает! Разве я похож на урку? – делает глоток кофе. Его показная веселость в разговорах о своей работе – ширма, на самом деле мы оба прекрасно знаем, чем он занимается.

– Мне не обязательно иметь офис в центре, можно и другие варианты рассмотреть. Думаю, за пару дней изучу предложения и подберу подходящее помещение.

– Натан, расслабься. Все будет официально, не ищи плохое там, где его нет. Я хочу тебе помочь, хочу, чтобы ты тут осел. Оглянись по сторонам, – раскидывает руки, жестом показывает куда смотреть, я смотрю. – Этот город просто создан для жизни.

– Погода, правда, «не айс», – замечаю, поднимая ворот пальто.

– Привыкнешь. Пойдем, посмотрим твое будущее рабочее место. Уверен, как только ты увидишь панораму из окна, другие места тебе будут уже неинтересны.

Руслан оказывается прав. Как только я увидел вид из окна, искать новый офис расхотелось. Пока друг ведет беседу по поводу аренды, я подхожу еще раз к окну и смотрю на Казанский собор. Улыбаюсь, чувствую душевное спокойствие и умиротворение. Еще рано говорить, что нашел новое пристанище в море под названием «жизнь», но то, что сердце не сжимается, а солнце светит в глаза, заставляя щуриться, – дает надежду, что сумею прижиться в новой своей реальности.

– Может, отпразднуем? – Руслан в ожидании смотрит на меня, я смотрю на бумаги в руках. Договор об аренде. Сдержанно улыбаюсь. Второй шаг сделан, теперь обустроиться, и можно сказать, что первый уровень пройден достойно.

– Почему бы и нет.

– Я знаю замечательное местечко с божественной кухней, пальчики оближешь.

И опять Руслан оказывается прав. Выбранный им ресторан приятен по интерьеру, еде и самой атмосфере вокруг. У меня возникает ощущение, что друг вливает в меня какой-то эликсир жизни. Я начинаю различать цвета вокруг, улавливать звуки, слышать счастливый смех со стороны и не кривиться от внутренней боли. После пятой рюмки очищенной водки, меня отпускает.словно сделали обезболивающий укол с двойной дозой лекарства.

– Спасибо, – выдавливаю из себя, Руслан хмыкает, разливает по рюмкам остатки алкоголя. – Ты не думал подрабатывать психотерапевтом?

– Нет. Зачем мне чужие проблемы, переживания. Я открыт только для близких.

– Почему ты не женишься? Из тебя бы получился отличный муж.

– Возможно, я еще не встретил ту самую, для которой я захочу стать идеальным мужем, – смеется, протягивает мне рюмку. – За тебя, мой друг. Желаю тебе почувствовать вкус жизни.

– Завтра буду страдать похмельем, – чокаюсь, выпиваю, морщусь.

– Это будет завтра, а сегодня расслабься. Может, к девочкам? – темная бровь вопросительно ползет вверх, я отрицательно мотаю головой. Никаких девочек. Мне противно от одной мысли, что я буду находиться в одном помещении с какой-то незнакомкой, прикасаться к ней, почувствовать ее запах, ее дыхание...

Передергиваюсь. Считаю себя однолюбом. Никто не сможет сравниться с моей красавицей Элей. Только она могла смотреть на меня так, что у меня вдоль позвоночника бегали мурашки. Только она могла одним своим прикосновением вызвать у меня улыбку. Только она могла прижаться губами к моим губам, не давая дышать, но при этом вдыхая в меня жизнь.

– Поехали домой, – резко, почти трезво, заявляю, отодвигая от себя тарелку и рюмку. Руслан хмурится.

– Что-то случилось?

– Нет, просто уже поздно, завтра рабочий день, много дел. На сегодня хватит.

– Хорошо, – Руслан извлекает из кармана пиджака мобильник, вызывает водителя, чтобы он нас развез. Пока друг расплачивается, я одеваюсь и выхожу на улицу. Жадно вдыхаю холодный воздух, приходя в себя.

Я приехал в этот город, чтобы начать все с чистого листа, но прошлое не отпускает. Вряд ли поможет алкоголь, девушки – нет, они усугубят положение. Поможет только работа. Вот этим мне и следует заняться в самое ближайшее время. Начать все с нуля – гарантия того, что некогда будет копаться в себе, размышлять, задавать вопросы «а что, если бы».

9 глава

Непривычно видеть Никольскую в моем новом офисе. Маша стоит возле окна, обняв себя руками за плечи. Опускаю глаза на документы. Без меня у нее все получается. Она умничка, я в глубине души ею горжусь. Сумела задвинуть личные чувства, взяться за ум. Для меня нет тайны, что Маша испытывает ко мне более нежные чувства, чем дружба. Это особенно стало заметно, когда я внезапно стал вдовцом. Морщусь. Слово такое неприятное – как клеймо.

– Ты отлично без меня справляешься, – растягиваю губы в улыбке, Никольская оборачивается. Сдержанно улыбается в ответ.

– Я стараюсь. У тебя здесь довольно мило. Клиенты есть?

– Есть, – встаю из-за стола, засунув руки в карманы брюк, подхожу к Маше. Она ниже меня, поэтому откидывает голову назад, смотрит в глаза. Не успевает взять себя в руки, вижу тень грусти, тоски, надежды. Качаю головой, бесполезные мечты, с ней я никогда не смогу быть. Я вообще не представляю себя с кем-то.

– А в остальном все хорошо?

– Без тебя плохо, – вспыхивает от своего признания, отводит глаза в сторону. Между нами возникает неловкое молчание. Скорей всего именно ее влюбленность окончательно подтолкнула меня к переезду. Руслан точно не будет по мне вздыхать и украдкой бросать в мою сторону томные взгляды.

– Может, пообедаем? – демонстративно смотрю на часы на стене, Маша кивает в знак согласия.

Мы выходим из бизнес-центра. Любезно подставляю локоть, Никольская не упускает возможность взять меня под руку. Поток людей на Невском бесконечен. Сегодня, кажется, все жители и гости города сбежались именно на главный проспект – солнечная погода к этому располагает.

– Как тебе в Питере?

– Нормально. Я думал, будет хуже, но тут даже пробки не так раздражают, как в Москве. А так, ощущение, что приехал домой, – улыбаюсь, Маша недовольно поджимает губы.

– Мне Москва больше нравится, несмотря на воспоминания, – прозрачно намекает на мою потерю, я делаю вид, что не понимаю ее намек.

Мне и так пришлось целый месяц бороться с самим собой, чтобы не скатиться в пропасть под названием «безнадежность». Спасибо Руслану: сразу оказывается рядом, словно чувствует, когда я хожу по краю. Сначала вытащил меня за город к своим знакомым, потом привел первых клиентов. Поезд «жизнь Левина» встал на рельсы и потихоньку двинулся вперед, понемногу набирая скорость.

Питер все же отличается от Москвы. Тут люди улыбчивее, что ли. Я смотрю на идущую навстречу девушку, она мне приветливо улыбается. Вот как не улыбнуться в ответ? Даже туристы со своей иностранной речью не так сильно раздражают. Еще заметил, что здесь я стал чаще ходить пешком. Каждый вечер, перед тем как поехать на съемную квартиру, выходил из офиса и просто, без какой-либо цели, прогуливался по Невскому. Или специально переходил дорогу, шел к Казанскому собору. При хорошей погоде сворачивал к Спасу-на-Крови, заходил в известную всем пышечную, покупал несколько пышек с собой.

Питер не зря достойно носит звание культурной столицы. Талантливых ребят можно увидеть, услышать прямо на улице. Они танцуют, жонглируют, рисуют, поют. Вот и сейчас, идя с Машей под руку, слышу красивый мелодичный голос. Сам того не замечая, вытягиваю шею, чтобы увидеть, кому принадлежит этот чудесный тембр, проникающий без спроса в душу.

Поет девушка. Ее руки с двух сторон держат микрофон на стойке, она укутана смешным цветным шарфом, на голове черный берет, из-под которого торчат в разные стороны концы ее темных волос. Куртка с какими-то узорами, бахромой, широкие джинсы, ржие ботинки.

Глаза ее закрыты, от этого кажется, что песню она проживает, а не просто напевает слова. Я замедляю шаг, останавливаюсь. Музыка гитары отдается эхом внутри меня, как и голос молодой певицы. Песня о потере... Об утрате... О надежде, что завтра взойдет солнце в твоей жизни.

– У тебя деньги есть с собой? – поворачиваю голову к Маше.

– Я наличку с собой не ношу.

Достаю из внутреннего кармана пальто портмоне, у меня только крупная купюра, но, не раздумывая, извлекаю ее и кладу в чехол от гитары. Встречаюсь глазами с певицей. В них бушует штормовое море. В них прячется знакомая мне боль. Она моргает, теперь ее глаза улыбаются, улыбаются и уголки ее губ.

– У вас красивый голос.

– Спасибо, – улыбка становится шире, я замечаю очаровательные ямочки на щеках. Отхожу от девушки, Маша хватается за руку. Я борюсь с желанием оглянуться, так как чувствую на себе взгляд уличной певицы.

– Ты решил стать спонсором молодых талантов? – ирония Никольской мне не нравится, я не скрываю свое недовольство.

– У девушки чудесный голос. Наверное, студентка академии искусства.

– Тут такое есть?

– Не знаю, но глупо такой голос скрывать и учиться на какого-нибудь экономиста. Каждый должен заниматься тем, что у него отлично получается и от чего он ловит кайф. А девушка получает удовольствие от пения.

– Она тебя зацепила.

– Что? – удивленно смотрю на Машу, она усмехается. – Нет, конечно. Здесь на улице полно одаренных людей. Мне кажется тут даже переизбыток талантов, каждый вечер вижу замечательные выступления. А еще тут любят футбол и хоккей. «Зенит» и «СКА» – это как Зимний дворец, только в сфере спорта.

– Уже ходил на матчи?

– Нет. Надо попросить Руслана достать билеты. Пойдешь с нами?

– Алиев не тот человек, с которым бы я желала тесно общаться, – ее презрение к Руслану меня корбит. – Его деятельность вызывает очень много вопросов.

– У него транспортная компания, занимающаяся перевозками. Все законно, налоги платит, – открываю для Маши дверь ресторана, она иронично усмехается.

Разговаривать с ней по поводу своего друга не собираюсь. Я знаю, чем Руслан занимается, кроме официального бизнеса, говорил ему о том, что он рискует своей шкурой, но Алиев любит щекотать себе нервы и решать нерешаемые задачи. Именно он помог нашему общему другу Эмину Умаеву и его жене развестись, что до сих пор считается позором у горцев. Бывшие супруги теперь счастливы с новыми избранниками и считают Руслана своим ангелом-хранителем.

Официант принимает у нас заказ, Маша утыкается в телефон, я смотрю в окно, нас как раз посадили возле него.

– Какие у тебя планы? – Никольская быстро решает свои дела, поднимает на меня глаза.

– В смысле?

– Сегодня. Я уезжаю завтра в обед, можем вечером сходить куда-нибудь или провести вместе время, – ее нога задевает мою ногу, вскидываю брови: правильно ли я понял этот жест.

– Натан, – кажется, Маша решила идти напролом, отбросив в сторону смущение и скромность. Мне становится немного любопытно, до чего она дойдет и договорится. Однозначно, на ее провокацию не поведусь. Даже на пьяную голову у меня не возникнет желания провести с ней ночь.

– Прошло больше трех месяцев после случившегося... – мнется, ерзает на стуле, я выжидаю, не тороплю и не помогаю.

– Ты красивый, видный мужчина, у тебя есть определенные потребности.

– Маш, – не выдерживаю, строго смотрю на Никольскую, она прикусывает губу. – Давай окончательно расставим точки над *i*. Я никогда не буду с тобой, между нами ничего не будет, даже в состоянии алкогольного опьянения. Ты для меня друг, я не смотрю на тебя как на женщину. Ты для меня сотрудник, которым очень дорожу и не хочу терять. Если тебе дорого то, что есть сейчас, больше тему близких отношений не поднимаешь. Хорошо?

Уязвленная, обиженная, она опускает глаза. Морально готовлюсь к тому, что, скорее всего, это наша последняя дружеская встреча, следующие – только по делу.

– Я тебя услышала, – выдержка Никольской вызывает восхищение. Она устремляет на меня серьезный взгляд, заставляет себя сдержанно мне улыбнуться.

– Сделаем вид, что этого разговора не было. Друзья-коллеги? – по-деловому протягивает мне руку, я ее жму. Маша молодец. Она обязательно встретит своего мужчину.

10 глава

– Ты бы заранее сказал, что хочешь на футбол, я бы купил билеты в vip-ложу, а не сюда, – Руслан недовольно бурчит в спину, а я пробираюсь наверх к нашим местам. Купить билеты на футбол – это мой спонтанный порыв. Мы вообще не планировали идти на стадион, мы ехали в баню. Что-то меня подтолкнуло свернуть с выбранного пути и приехать к стадиону, купить у спекулянтов последние билеты и потащить за собой упирающегося друга.

– Перестань ныть, – оглядываюсь по сторонам, наши места у края прохода, так что уйдем первыми, никто ноги не оттопчет.

– Раньше не замечал, что ты поклонник «Зенита».

– Ты почувствуй атмосферу, Руслан!

Стадион шумит, скандирует название команды, распевается. Повсюду висят баннеры в поддержку любимой команды. Это что-то невообразимое. Футбол смотрел только по телевизору, всегда урывками. Сейчас понимаю, почему настоящие болельщики ходят на стадион. То, что творится вокруг, через экран не почувствуешь. Сам воздух пропитан азартом игры.

– На хоккей покупаю билеты я, – все так же ворчит Руслан, пряча руки в карманы куртки.

Мы пришли не к началу игры, попали в перерыв между таймами. Рядом раздается заразительный смех, я поворачиваю голову. Девушка оглядывается через плечо. Мы узнаем друг друга. Это та самая уличная певица. Если она сейчас улыбнется, на щеках появятся ямочки. Она улыбается. Я в ответ сдержанно улыбаюсь в знак узнавания. Девушка кивает.

Стадион сильнее шумит, на поле выходят команды. Свисток, парни в красном разыгрывают мяч. Как только соперник вырывается вперед, болельщики задерживают дыхание и радостно свистят, если мяч не попадает в створку ворот. Если любимого игрока подрезают, фанаты гудят. Забитый гол взрывает стадион радостными криками. Радуются и рядом.

Украдкой поглядываю на соседку, Руслан в это время кому-то пишет сообщение. Девушка, оказывается, тоже смотрит на меня. Очень милая. Юная. На вид ей лет двадцать. В этот раз ее волосы не торчат из-под берета, они собраны в хвост. В остальном ее внешний вид не изменился: та же куртка, те же джинсы и рыжие ботинки.

– Мне надо ехать.

– Что? – удивленно смотрю на друга. Он примирительно улыбается.

– Вечером созвонимся, – хлопает по плечу, уходит. Я провожаю его взглядом. Очень надеюсь, что не влезет в очередную авантюру. Все-таки ему стоит жениться, возможно, тогда перестанет искать себе приключения.

– Я – Майя.

Девушка повернулась полностью в мою сторону, протягивает мне руку. Я беру ее прохладную ладонь, слегка сжимаю. Преимущество быть молодым: ты не стесняешься знакомиться, не думаешь о целях этого знакомства. Тебе нравится человек, берешь и называешь свое имя. Мои знакомства за последние несколько лет сугубо деловые и полезные. Я бы не посчитал нужным представляться этой девушке.

– Натан.

– Болеее за «Зенит»?

– Откровенно говоря, первый раз нахожусь на стадионе.

– О, да вы новичок, тогда нашей команде должно повезти. Я болею за «Зенит» два года, стараюсь приходить на каждую домашнюю игру. На выездные матчи попадаю редко. Рассказать вам правила игры? – ее лицо озаряется, глаза блестят. Они у нее очень интересного цвета: вроде зеленые, а может быть, карие. Не поймешь.

Стадион недовольно гудит. Я смотрю на поле, не понимая, что произошло. Парень в красном идет по краю поля за белой линией, в руках держит мяч. Действие разворачивается возле ворот хозяев матча. Бросает своему товарищу мяч, тот ловко его принимает, пасует в сторону, там, видимо, находится тот, кто должен забивать голы. Он прорывается вперед, обходит несколько человек в синей форме, прицеливается и бьет по мячу. Я задерживаю дыхание. Вратарь подпрыгивает, выставляет руку вперед, мяч отскакивает от его ладони и летит за перекладину ворот.

Все оглушительно орут. Майя вскакивает с места, подпрыгивает, хлопает в ладоши, бурно выражая свою радость. Я смеюсь, ее эмоции похожи на радость детей, которые не стесняются своих чувств.

– Ребятам надо продержаться пятнадцать минут. Потом, думаю, добавят минуты три.

– «Зенит» ведет?

– Да. Мы в первом тайме забили два гола, – показывает на табло, я вижу два и ноль. – Но нужно продержаться до конца игры. Бывает, что соперники отыгрываются на последних минутах.

– Понятно.

Оставшееся время игры проходит напряженно и нервно, но в итоге «Зенит» выигрывает, и обезумевшие от радости фанаты запускают «волну», поют гимн команды. Когда игроки на поле благодарят болельщиков, в ответ получают громкие аплодисменты.

- Не спешите уходить. Сейчас в метро будет толкучка, – замечает Майя, когда я встаю.
- Май, – девушку окликает с другой стороны какой-то парень, – ты идешь?
- Позже, я все равно поеду домой.
- Хорошо. Позвони, когда приедешь.

– О-кей, – она машет своим друзьям на прощанье рукой, смотрит на меня. – Это ребята из музыкального училища. Мы вместе собираемся и выступаем на улице. Подработка для бедных студентов. Кстати, очень много ребят так зарабатывают. Приятно дарить эмоции, вызывать улыбки, заставлять задуматься. У меня подруга учится в театральном, она со своими однокурсниками иногда ставит мини-сценки, чаще всего что-то вроде пантомимы. Людям нравится.

– А сама где учишься? – присаживаюсь, с интересом рассматриваю свою новую знакомую. Девушка подкупает своей искренностью и открытостью. Я уже и забыл, что бывают такие люди.

– Я учусь в художке, – ее признание заставляет меня удивленно вскинуть брови, Майя смеется. – Да-да, я знаю, что у меня замечательный голос, но он не настолько сильный, чтобы им зарабатывать на жизнь. А рисую я не хуже. Талантливый человек талантлив во всем.

– Не сомневаюсь. Кажется, можно теперь уходить, – стадион уже не такой заполненный, Майя согласно кивает головой.

Мы вместе спускаемся вниз. Вместе выходим со стадиона. В молчании доходим до моей машины. Девушка как-то неловко замирает неподалеку, неуверенно улыбается. Я не знаю, где тут метро, должен, наверное, предложить ее подвезти.

– Подвезти до ближайшей остановки?

– А вы в какую сторону?

– В соседний район.

– На Ваську?

– Да.

– Я живу в Московском районе. Я дойду до метро. Спасибо, что предложили, было приятно с вами познакомиться... Натан, – она с заминкой произносит мое имя, я тепло улыбаюсь девушке.

– Приятно было познакомиться, Майя.

– Может, как-нибудь еще увидимся.

– Может быть, – достаю из кармана пальто ключи от машины, нажимаю кнопку сигнализации. Девушка несколько секунд топчется на месте, словно чего-то ждет, улыбается мне, показывая свои ямочки на щеках, разворачивается и уходит. Задумчиво смотрю ей вслед.

Милая девушка, напоминает весенний ветер: обдувает лицо свежестью, заставляет улыбаться. Хмыкаю своим мыслям, сажусь за руль. Пусть выходной пошел не по плану, но иногда полезно выходить из зоны комфорта. Мне это как раз и нужно.

11 глава

– Я рад был с вами работать, – довольный клиент пожимает мне руку, расплывается в улыбке, я киваю. Мне нравится состояние удовлетворенности после удачного процесса, чувствуешь себя полезным.

Дело было непростое. Развод и раздел имущества. В Москве такие процессы я бы передал кому-то из сотрудников, в Питере я пока без коллектива, секретарь в приемной не считается. Я рад, что вместо очаровательной девушки взял толкового парня, которому строить мне глазки ни к чему. Как только я освоюсь в Северной столице в профессиональной сфере, Николая переведу в юристы, не должен его диплом просто так лежать в столе.

Звонит телефон. Никольская. После нашей последней встречи Маша звонит сугубо по делу. Она правильно расставила приоритеты. Московский филиал под ее руководством не утратил доверия клиентов, наоборот, мне звонили и благодарили за компетентных адвокатов,

знающих свое дело. Раз в месяц Маша приезжает в Питер с документами, которые требуют личного моего внимания.

– Привет, Маш.

– Привет. Я заскочила в офис, тебя на месте нет.

– Подъезжай в ресторан, я тебе адрес вышлю сообщением.

– Хорошо.

Иногда мне не хватает наших дружеских бесед, но я трезво оцениваю обстановку, пусть лучше наши разговоры будут деловыми, чем каждый раз испытывать неловкость за неоправданные надежды.

– Прекрасно выглядишь, – улыбаюсь Никольской, когда администратор приводит ее к столу, за которым я сижу. Маша благодарно улыбается. Мы не виделись месяц, а в ней что-то изменилось.

– Спасибо, – присаживается, берет меню у официанта. Несколько минут уходит на то, чтобы определиться, чего мы хотим, сделав заказ, смотрим друг на друга.

Не могу понять, что в ней не так. Вроде цвет волос тот же, стиль одежды не изменился, при этом она выглядит посвежевшей и довольной жизнью. Встречаемся глазами, Маша берет бокал с водой, я замечаю на безымянном пальце кольцо. Удивленно вскидываю брови.

– Тебя поздравить? – выразительно смотрю на кольцо, она усмехается.

– В сентябре поздравить, – из сумки достает папку и конверт. Сначала протягивает конверт, сразу же его открываю. Приглашение на свадьбу. Жених мне не знаком, надеюсь, хороший человек. У меня возникает стойкое ощущение, что таким способом Маша старается оградить себя от меня.

– Обязательно буду, – откладываю приглашение в сторону, к телефону, забираю у Никольской папку с финансовыми отчетами.

Отчеты не вызывают вопросов, поэтому ставлю свою подпись, возвращаю папку Маше. Теперь можно и поговорить о какой-нибудь ерунде.

– Любовь с первого взгляда? – отодвигаюсь, официант ставит передо мной тарелку, Никольская держит паузу. Улыбается, склоняет голову набок.

– Нет. Наверное, с тысячного, когда я поняла, что пора обзаводиться семьей.

– То есть мне надо задуматься о том, кто займет твое место, когда ты уйдешь в декрет?

– Зачем? – ее красивые брови вопросительно изгибаются. Непонимающе смотрю на молодую женщину. – Сейчас есть возможность иметь детей, при этом не страдать девять месяцев.

– То есть?

– Суррогатное материнство, – почему-то ее спокойный тон меня не устраивает. Хмурюсь.

– Ты считаешь это нормальным? Уверен, что вполне сможешь сама выносить и родить ребенка, зачем такие сложности?

– Натан, – усмехается, – не буду вдаваться в подробности, но не все женщины могут забеременеть после тридцати пяти лет. Кому-то везет, и беременность наступает почти сразу, а кому-то приходится посещать врачей, слышать неутешительные диагнозы, долго лечиться и со страхом ждать эти чертовы две полоски, чтобы потом... – прикусывает губу, прикрывает на мгновение глаза, – чтобы потом, когда наступает беременность, через месяц потерять ребенка.

– Прости, – виновато опускаю глаза. Это тема личная, не для посторонних ушей. Маша накрывает ладонью мою руку.

– Я это пережила. Было больно, было непонимание, за что и почему. Сейчас я приблизительно осознаю, что ты пережил, когда потерял сразу всю семью. Моя боль имела огромные масштабы, твоя боль – без границ и рамок.

Боль... Эта боль уже не режет меня живьем, но все еще во мне. Она нудит, ноет, она колет и постоянно напоминает о себе. Не было и дня, чтобы я не почувствовал эту боль. Мне по-прежнему ночью снится один и тот же кошмар. Он сейчас не такой яркий, как в первые

месяцы, но все еще заставляет просыпаться в холодном поту и с учащенным сердцебиением. Я все еще по привычке ищу рукой лежащего рядом человека, крепко зажмуриваюсь, понимая, что никого нет и не будет. Я до сих пор остро реагирую, когда слышу детский смех, когда рядом кто-то звонко кричит «папа».

– Жизнь не стоит на месте.

– Уверена, что ты встретишь ту, которая заставит тебя вынырнуть из глубины своей тоски.

– Сомневаюсь.

– Это ты сейчас говоришь. Вот выйдешь из ресторана, а на тебя налетит Она. Сердце екнет, а дыхание собьется. Что ты будешь делать?

– Пройду мимо, – Машины рассуждения заставляют улыбнуться.

– Ну и дураком будешь.

– Я пять лет обожал одну женщину, жизни без которой не представлял. И мне теперь каждый день нужно преодолевать самого себя, чтобы двигаться вперед. Как я могу быть с другой, если я в ней буду искать любимые черты? Это прежде всего неправильно по отношению к той, с которой буду сравнивать. Я хочу быть честным.

Никольская крутит вилку в руке, пристально меня рассматривает. Тяжело вздохнув, опять отворачивается к окну. Я тоже смотрю в окно. Город с мая наполнился туристами, школьниками, студентами. Из окна офиса я иногда наблюдаю за потоком людей на Невском, не понимая, как в этой толпе можно кого-то увидеть, заметить. Выйти и внезапно встретить ту, которая сумеет меня заставить забыть прошлое – маловероятно. Разве можно забыть ту, с которой дышал в такт? Забыть те руки, которые дарили ласку каждым прикосновением? Время... Время лечит, меня оно лишь обезболивает. Но потом волна боли накрывает снова, и я все переживаю, как в первый раз. Сейчас с немим ужасом ожидаю лета. В жизни «до» лето было самым счастливым: знакомство с Элей, рождение детей. Больше не будет суматошной подготовки к празднику, не будет волнующего ожидания его у сына и дочери, не будет гостей и подарков...

– Натан! – голос Никольской звучит обеспокоенно, я вздрагиваю, нервно улыбаюсь.

– Все нормально, – хватаю бокал с водой, делаю глоток, чувствуя дрожь в руке.

– Ты побледнел.

– Душно здесь, наверное, кондиционеры плохо работают, – немного расслабляю узел галстука, стараюсь успокоиться. Обед завершаем в молчании, благодарен Маше, что не лезет с вопросами и разговором.

– Сегодня уезжаю. До встречи в следующем месяце, – Никольская улыбается, я киваю ей головой.

В жизни «до» она бы чмокнула меня в щеку, махнула рукой и ушла. Сейчас Маша сдержанно улыбается и не спеша направляется в сторону ожидающей ее машины. Как только седан трогается с места, иду к своему джипу. Надо позвонить Руслану и сообразить себе досуг на выходные. Друг сделает все возможное, чтобы я не думал какое-то время о прошлом.

12 глава

Брожу между прилавками с книгами без конкретной цели. Просто у меня возник перерыв, в офисе сидеть надоело, а на улице дождь. Замираю перед стеллажом с фантастикой. Давно я ничего не читал просто так, все некогда. И многие фильмы прошли мимо меня, знаю, что некоторые были очень даже ничего.

– Вы любите фантастику?

Держу книгу в руке, поворачиваю голову на голос. Возле меня стоит Майя. Я ее узнал. Странно, что ее имя сразу всплыло у меня в голове. Иногда я вспоминал девушку, но вскользь, не думал, чем она сейчас занимается, где находится и помнит ли обо мне.

– Сто лет ничего не читал.

– А чем же вы занимаетесь в свободное время? – девушка подходит ближе. Смотрю на нее. Волосы заплетены в две косички, макияж – подкрашенные губы. Белая футболка с надписью: «Стои и свети», зауженные джинсы. Просто и молодежно, я рядом в костюме-тройке кажусь себе совсем стариком.

– Делами.

– Даже в выходные дела? – удивленно приподнимает темные брови, в глазах недоумение. – Отдыхать тоже нужно. Я в хорошую погоду люблю проводить время на пляже – рано утром, когда вокруг ни души. Только ты и реальность вокруг без людей, тогда возможно услышать ответ на свой вопрос. При плохой погоде можно посидеть в уютном кафе, устроить свидание с собой. Да, вокруг будет толпа, но нужно уметь от нее абстрагироваться.

– Противоречите себе, юная барышня, – усмехаюсь, ставлю книгу на полку. – Вы говорите об уединении и тут же о толпе. В моей профессии такие оговорки порой очень влияют на исход дела, грамотный юрист может из-за этих слов поменять ход процесса.

– Вы юрист? – широко распахивает глаза, приоткрывает рот. – Всегда удивлялась людям, которые назубок учат все законы и от корки до корки читают кодексы. Вам не скучно от вашей работы?

– Нет, – посмеиваюсь, склонив голову набок. – А вы что читаете?

– Ничего серьезного, детектив с любовной линией – как раз то самое чтение для дальних поездок.

– Куда-то уезжаете?

– Домой. Сдам сессию и поеду на каникулы домой, – успеваю заметить тень в глазах, но Майя сразу же расплывается в улыбке. Улыбаюсь в ответ и осознаю, что не хочу спешить с завершением нашей неожиданной беседы.

– Не спешите? Я мог бы вас угостить кофе.

– Кофе не пью, а от чая не откажусь, – обходит меня, направляется к кассе, я иду следом за ней. Майя покупает книгу в дорогу, оглядывается через плечо, увидев меня, вновь широко улыбается.

Мы приходим в кафе «Зингеръ». К счастью, есть свободные столики, нас провожают к одному из них, протягивают меню. Пару раз я здесь уже был с клиентами, поэтому с ассортиментом знаком. Заказываю себе «американо», Майя никак не определится, чего хочет. Кажется, сначала смотрит на цены, а потом на названия.

– Закройте цены и выбирайте, что нравится, – девушка вздыхает, прикусывает зубами нижнюю губу. На секунду задерживаю взгляд на ее губах, моргаю и смотрю в сторону. Ее выбор – согревающий чай с имбирем, апельсином и корицей и кусочек торта «Наполеон».

– Я вас не разорю? – сейчас ее глаза насыщенного зеленого цвета. – Могу сама все оплатить. Если я студентка, это не значит, что у меня нет денег.

– Я вас пригласил, я оплачиваю. Договорились? – приподнимаю вопросительно бровь, Майя кивает.

Наш заказ приносят быстро. Девушка с горящими глазами отламывает кусочек торта ложечкой, блаженно улыбается, смакуя вкус десерта. Ее неподдельные чувства цепляют. Сто лет не видел, как человек получает удовольствие от простых вещей, например от поедания торта.

– Хотите?

– Нет, спасибо, – отрицательно качаю головой.

– Многое теряете, я сладкоежка со стажем, с полной уверенностью заявляю, что такой вкуснятины вы еще не ели, – протягивает мне ложку с тортом, я застываю на своем стуле. Смотрю на ложку, потом в глаза, которые меняют цвет.

Неприлично как-то все это со стороны... Молодая девушка, взрослый мужчина, она протягивает ложку, с которой только что сама ела, я... я подаюсь вперед. Не спуская с Майи пристального взгляда, беру ложку. Наши пальцы соприкасаются, она вздрагивает. Вздрагиваю и я. Разряд, прошедший по нашим пальцам, стал полной неожиданностью, словно ударило током под напряжением.

Шум вокруг стихает для меня. Мы дышим в такт, смотрим друг другу в глаза. Забытое волнение томится в груди. Оно едва греет, но греет. Полгода назад мне казалось, что, кроме боли, тоски и горечи, я ничего не смогу испытать. А тут... Торт действительно вкусный, Майя права.

– Вы правы, торт восхитительный, – отдаю девушке ложку, поспешно хватаюсь за чашку, прикрываясь ею.

Что происходит? Почему я взволнован? Почему сердце громко стучит? Опускаю взгляд на чуть полноватые губы, она их облизывает, ерзаю на стуле. В мыслях царит хаос, а картинки перед глазами совсем неприличные. И чем настойчивее я их пытаюсь прогнать, тем более нагло они лезут мне в голову.

Галстук внезапно начинает душить, немного ослабляю узел. Меня пугает внутренняя суматоха. Не подаю вида, что обычное чаепитие вывело меня из равновесия.

– Кажется, дождь прекратился, – голос Майи напряжен, смотрит на меня сквозь ресницы. Я чувствую, что ее тоже что-то тревожит. Заставляю себя улыбнуться.

– Прекрасная новость. Как раз допьете чай, воздух прогреется, – несу полную чашку, но не в состоянии придумать нормальную тему для беседы. Одним глотком выпиваю свой кофе, Майя тоже торопливо допивает чай. Официант приносит счет, оплачиваю.

Одновременно встаем из-за стола, вместе выходим из кафе. Я понимаю, что вот сейчас разойдемся в разные стороны, встретимся ли вновь – никто не знает. Питер – огромный город, тут полно приезжих, туристов. Встретиться случайно – один шанс из ста.

– Спасибо за чай и угощение, – не торопится сбежать, взгляд ее замирает на моих губах, они моментально пересыхают, сдерживаюсь, чтобы их не облизать. Шумно вздыхает, трясет головой, словно не соглашается с собой, робко улыбается.

У меня последний шанс спросить ее номер телефона. Для чего? Не знаю. И не уверен, что нужно спрашивать. Вдруг будет ждать звонка, на что-то надеяться, а я не позвоню. Не позвоню.

– Было приятно увидеться. Удачи на сессии и хороших каникул. Пока, – улыбаюсь на прощанье.

– До свиданья, – мне кажется, или ее голос дрожит? Наверное, кажется, потому что девушка отворачивается и неторопливо уходит от меня. Секунду стою, смотрю вслед. Сдерживаю порыв догнать. Не нужно это все мне. Не нужно.

– Сколько ей лет? – Руслан вытирает шею полотенцем, берет бутылку с водой. Я схожу с беговой дорожки, замираю перед ним.

– На вид лет двадцать, – иронично хмыкает, я раздражаюсь. – Забудь.

– Натан, ты здоровый мужик, это нормально, что ты отреагировал на симпатичную мордашку. Ты же не собираешься хранить всю жизнь верность покойной жене? Ей пофиг, а ты страдаешь!

– Радуйся, что у тебя такого не было, – цежу сквозь зубы, уходя в сторону других тренажеров. Злюсь. Злюсь на друга, на себя. На себя, за то, что неделю прокручиваю в голове встречу с Майей, на Руслана – за непонимание.

– Ладно, прости, не сердись, – хлопает меня по плечу. – Но твою позицию по поводу верности я не понимаю. Полгода прошло, можно уже оглядываться по сторонам, чувствовать вкус жизни, знакомиться с женщинами, общаться. Никто не говорит, чтобы ты прямо сейчас начал строить отношения.

– Я не могу.

– Конечно, проще зарыться с головой в работу, оправдываться памятью погибшей жены. Но жизнь не стоит на месте, Натан.

– Ты просто никогда не любил.

– К счастью, вокруг полно красивых девушек, опытных женщин, я еще не готов принадлежать одной-единственной, – очаровательно улыбается, и я уже на него не сержусь. Да и глупо злиться на Руслана, зная, что причина во мне, а не в ком-то другом.

Да, я думаю о Майе. Не специально. Мысли о ней сами по себе откуда-то возникают и с каждым днем задерживаются все дольше и дольше. Я вспоминаю нашу встречу, чувствую то самое волнение, что было у меня в кафе. И глупое ожидание, какое-то сомнение, возникшее из ниоткуда предвкушение. Эти чувства не новы для меня, когда-то что-то подобное испытывал. В своем счастливом прошлом.

13 глава

– До свидания, Натан Яковлевич, – несется мне в спину голос Николая.

– Не задерживайтесь, – смотрю строго на своего сотрудника, парень усмехается, косится на сидящую рядом девушку. Явно между этими двумя есть симпатия, но меня это не должно касаться, главное, чтобы работе ничего не мешало.

Елена – знакомая Николая, он за нее очень сильно просил. Сегодня у нее второй день в должности общего секретаря. Личного помощника еще не ищу, но стоит задуматься.

Когда я переехал в Питер в надежде долго и упорно трудиться, исключил сарафанное радио в качестве рекламы для развития своего дела. И зря. Благодарные клиенты с удовольствием рекомендуют меня знакомым, партнерам, те – своим знакомым, и так по цепочке. Еще бывшие клиенты из Москвы не забывают, добрым словом вспоминают. Некоторые принципиально ездят в Северную столицу, чтобы получить именно мою консультацию. К концу лета резко потребовалось расширить штат, нужны сотрудники, лучшие в своем деле.

Меняю офис на более просторный. Для этого приходится переехать в другое здание. Поручаю Николаю укомплектовать коллектив. Да, этот парень для меня находка. Есть амбиции, чрезмерная ответственность, желание «учиться и еще раз учиться». Возможно, в будущем он станет моей правой, да и левой, рукой, как в Москве была для меня Никольская.

– До понедельника, – прощаюсь на ходу.

Впереди выходные. Я еще не планировал, как их провести, возможно, стоит смотаться в Москву. Нужно навестить Эмина, давно с ним не общался, телефонные разговоры не заменят живого общения. Заглянуть на свою холостяцкую квартиру, может быть, зайти в гости к Маше. Хотя к Никольской не стоит, впереди у нее свадьба, сейчас ей точно не до меня.

В последний свой визит она шепотом призналась, что для нее нашли суррогатную мать и сейчас готовятся к оплодотворению. Тема по сей день вызывает во мне протест. С одной стороны, я рад, что есть возможность бездетным парам стать родителями, с другой стороны, ты идешь против природы. И что такое ребенок из пробирки, рожденный посторонней женщиной – не понимаю. У меня вся эта ситуация с суррогатным материнством не укладывается в голове.

А сколько тонкостей с юридической стороны... Никольская показывала мне договор между ней и потенциальной «матерью», некоторые пункты вызвали сомнения. Сказал об этом Маше, она задумалась. Попросил ее четко прописать в договоре, что после рождения младенца, суррогатная мать никаким образом не касается ребенка – полный отказ от материнских прав.

Люди – странные существа, сначала они идут на сделку, потом, почувствовав деньги, начинают прогибать под себя человека и ситуацию. Нюансов много, риски тоже есть. Но это не моя головная боль.

На улице шумно, многолюдно. Мне нужно заскочить в ресторан неподалеку, взять с собой кофе и ужин домой. В холодильнике со вчерашнего вечерамышь повесилась. Администратор

меня узнает, мы быстро определяемся с моим заказом. Кофе приносят сразу, еду на несколько минут позже.

Сегодня машина оставлена далековато от офиса: утром была встреча на нейтральной территории, поэтому, когда приехал, все парковочные места были заняты.

Делаю глоток кофе, слышу голос. Сразу же останавливаюсь и оглядываюсь по сторонам. Замечаю неподалеку небольшую толпу зевак. В этот раз звучит веселая музыка, песня заставляет пританцовывать.

Я вижу Майю. Она держит в руке микрофон, смотрит на ребят-музыкантов, в нужный момент поет припев. Меня от ее голоса пробирают мурашки, как в первый раз, когда ее услышал на Невском.

Не сразу признаюсь себе в том, что люблю девушкой. С распущенными волосами, в джинсовом сарафане она выглядит совсем юной. Ей, наверное, и двадцати нет. Возможно, только восемнадцать исполнилось. Все правильно я сделал в последнюю встречу, не нужно связываться с ней.

Отворачиваюсь. Музыка играет, но голос больше не звучит. Я оглядываюсь, хочу понять почему. И сразу же натыкаюсь взглядом на спешащую ко мне девушку с лучезарной улыбкой.

– Привет, – замирает передо мной, заправляет за ухо прядь волос. – Я сначала подумала, что обозналась. Ты обернулся, и поняла, не ошиблась. Как дела?

– Привет. Все хорошо. Каникулы закончились? – голос нейтрален, а внутри все переворачивается вверх тормашками. Еще более пристально ее рассматриваю.

Сердце ухает ночной птицей, потом бухает куда-то вниз, перестает биться, подскакивает к горлу и перекрывает дыхание. Мне совсем не нравятся эти сердечные качели.

– Еще полторы недели свободы, – ее губы трогает смущенная улыбка, я тоже улыбаюсь. Уйти не могу, не хочется, а разговор не клеится.

Стоим, смотрим друг на друга, напряжение вполне ощутимо. Я смотрю в ее глаза слишком долго, до неприличия пристально, и со стороны это, скорее всего, выглядит нахально. Майя при этом не отводит глаза в сторону, почти не моргает и едва дышит. Ее щеки слегка краснеют, мне хочет узнать, о чем она думает, глядя на меня. Еще смотрю на ее губы. Они приоткрыты, так и притягивают к себе взгляд. Какие они на вкус? Чем пахнут? Насколько мягкие и податливые?

Застывшая кровь начинает бурлить, разгоняется по венам. Впервые после смерти жены я смотрю на девушку и чувствую жгучий, непристойный интерес. Если бы Майя только знала, какие мысли бродят у меня в голове в данную минуту, она бы пришла в ужас от моей испорченности.

Я не чувствую угрызений совести по отношению к Эле. Мертвым все равно, что творится с живыми, а я уже прошел все круги личного ада. И жуть как хочется наконец-то вдохнуть полной грудью, не чувствовать внутри распирающую боль, не хвататься за сердце, судорожно вспоминая, какие таблетки смогут помочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.